

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-4-239-247

ГУСАИМ Иван Вячеславович,
Научный сотрудник Центра исследования
проблем безопасности Российской академии наук
(ЦИПБ РАН),
e-mail: mail@law-books.ru

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,
кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доктор экономических наук, профессор,
почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ в области образования,
профессор кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
e-mail: mail@law-books.ru

ПО ТУ СТОРОНУ ДОБРА И ЗЛА. К ВОПРОСУ О ВАЖНОСТИ ОРИГИНАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА ВАЛЕРИЯ ПЕТРОВИЧА МАЛАХОВА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. Современный этап развития российской юридической науки характеризуется нарастающим кризисом правопонимания. Ни один из сложившихся типов – нормативистский, естественно-правовой, социологический, интегративный – не обеспечивает методологически достаточного ответа на вызовы современной правовой реальности. Распространение правового нигилизма, цифровая трансформация правового регулирования и кризис традиционных конструкций правосубъектности в условиях развития искусственного интеллекта обнажают пределы инструментального подхода к праву. Отсутствие философски состоятельного правопонимания воспроизводит правовой нигилизм и препятствует адекватному регулированию принципиально новых правовых феноменов цифровой эпохи.

Цель и задачи исследования:

Научное исследование направлено на обоснование теоретической и практической значимости оригинальной концепции философии права В.П. Малахова для осмысления современной правовой реальности.

Основные направления исследовательской работы включают:

1. Выявление методологических пределов традиционных типов правопонимания;
2. Раскрытие концептуального ядра через систему форм общественного сознания – философского, экономического, планетарного;
3. Обоснование тезиса о самоценности и самообоснованности права;
4. Демонстрацию аналитического потенциала концепции применительно к актуальным вызовам современной правовой реальности;
5. Разработку авторской аналитической схемы соотношения форм общественного сознания и правовых феноменов.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной теоретической проработанностью философских оснований права в отечественной юридической науке. Существующие подходы не обеспечивают полноценного осмысления феноменов правового нигилизма, цифровой трансформации права и кризиса правосубъектности. Отсутствие методологически единого основания создаёт сложности при выработке правовых решений в принципиально новых областях – регулировании цифровой среды и искусственного интеллекта.

Методы исследования: историко-правовой анализ, сравнительно-правовой метод, системный подход, методы философско-правовой рефлексии.

Результаты. Установлено, что концепция В.П. Малахова представляет самостоятельное направление постклассической философии права, преодолевающее ограниченность существующих типологий через смену базового исследовательского вопроса: от «что есть право?» к «каким предстаёт право в той или иной форме общественного сознания?». Впервые концепция рассмотрена в системной полемике с вызовами цифровой эпохи и кризисом правосознания. Предложена авторская аналитическая схема соотношения трёх форм общественного сознания – философского, экономического, планетарного – и соответствующих им правовых феноменов. Обоснован тезис о самоценности и самообоснованности права как ключевой категории концепции. Показано, что традиционное правоведение не располагает инструментарием для описания права в условиях цифровой трансформации и развития искусственного интеллекта, тогда как концепция Малахова обеспечивает методологически единый ответ на все три ключевых вызова.

Практическая значимость определяется возможностью применения концепции как методологического основания для философско-правовой экспертизы цифровых регуляторных решений, анализа деформаций правосознания и разработки теоретических подходов к правовому статусу новых субъектов в условиях технологических трансформаций.

Ключевые слова: философия права, правопонимание, правосознание, формы общественного сознания, самоценность права, постклассическая теория права, правовой нигилизм, цифровая трансформация права, искусственный интеллект, В.П. Малахов.

GUSAIM Ivan Vyacheslavovich,

*Research Fellow at the Center for Security Studies
Russian Academy of Sciences (CIPB RAS)*

ERIASHVILI Nodari Darchoevich,

*Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honorary Worker of the Education Sphere of the Russian Federation,
Laureate of the Russian Government Prize in the Field of Education,
Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure
of the Moscow Order of Honor of the University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot*

BEYOND GOOD AND EVIL. ON THE IMPORTANCE OF THE ORIGINAL PHILOSOPHY OF LAW CONCEPT BY VALERY PETROVICH MALAKHOV FOR MODERN LEGAL REALITY

Annotation. *The current stage of development of Russian legal science is characterized by a growing crisis of legal understanding. None of the established types – normativist, natural law, sociological, integrative – provides a methodologically sufficient response to the challenges of modern legal reality. The spread of legal nihilism, the digital transformation of legal regulation, and the crisis of traditional legal personality constructs in the context of artificial intelligence development reveal the limits of the instrumental approach to law. The absence of a philosophically sound legal understanding reproduces legal nihilism and hinders adequate regulation of fundamentally new legal phenomena of the digital age.*

Purpose and objectives of the study:

The research aims to substantiate the theoretical and practical significance of V.P. Malakhov's original philosophy of law concept for understanding modern legal reality.

The main research directions include:

- 1. Identifying the methodological limits of traditional types of legal understanding;*
- 2. Revealing the conceptual core through the system of forms of social consciousness – philosophical, economic, planetary;*
- 3. Substantiating the thesis on the intrinsic value and self-groundedness of law;*
- 4. Demonstrating the analytical potential of the concept in relation to current challenges of modern legal reality;*

5. Developing an original analytical framework for correlating forms of social consciousness and legal phenomena.

The relevance of the study is determined by the insufficient theoretical elaboration of the philosophical foundations of law in Russian legal science. Existing approaches do not provide adequate conceptual understanding of legal nihilism, digital transformation of law, and the crisis of legal personality. The absence of a methodologically unified foundation creates difficulties in developing legal solutions in fundamentally new areas – regulation of the digital environment and artificial intelligence.

Research methods: historical-legal analysis, comparative-legal method, systemic approach, methods of philosophical-legal reflection.

Results. It is established that V.P. Malakhov's concept represents an independent direction of post-classical philosophy of law, overcoming the limitations of existing typologies by shifting the basic research question from «what is law?» to «how does law appear in one or another form of social consciousness?». For the first time, the concept is examined in systematic controversy with the challenges of the digital age and the crisis of legal consciousness. An original analytical framework correlating three forms of social consciousness – philosophical, economic, planetary – and corresponding legal phenomena is proposed. The thesis on the intrinsic value and self-groundedness of law as a key category of the concept is substantiated. It is shown that traditional jurisprudence lacks the tools to describe law in the context of digital transformation and artificial intelligence development, whereas Malakhov's concept provides a methodologically unified response to all three key challenges.

The practical significance is determined by the possibility of applying the concept as a methodological basis for philosophical-legal expertise of digital regulatory solutions, analysis of legal consciousness deformations, and development of theoretical approaches to the legal status of new subjects under conditions of technological transformations.

Key words: philosophy of law, legal understanding, legal consciousness, forms of social consciousness, intrinsic value of law, post-classical theory of law, legal nihilism, digital transformation of law, artificial intelligence, V.P. Malakhov.

Введение

Вопрос о природе права – один из старейших в истории человеческой мысли. Ещё И. Кант замечал, что он способен «смутить правоведа» так же, как вопрос об истине смущает логику. Двадцать пять столетий юридической науки не дали на него общепризнанного ответа – и это не свидетельство несостоятельности науки, а указание на то, что природа права по существу является философской, а не научно-технической проблемой.

Российская юридическая традиция особенно остро ощущает это противоречие. Исторически отечественная философско-правовая мысль развивалась в условиях глубокого этикоцентризма: право понималось как инструмент нравственного устройства общества, вторичный по отношению к морали, и тем самым лишалось самостоятельного онтологического основания. Советский нормативизм, сменив этическую риторику на государственно-классовую, воспроизвёл ту же логику: право оставалось производным – теперь уже от воли государства. После 1991 года демонтаж нормативистской доктрины не породил новой концепции, способной занять её место. Как справедливо констатирует Т.А. Желдыбина, «узко-нормативность и догматичность права уже не отвечают духу времени» [16], однако убедительной альтернативы в современной отечественной

юридической науке по-прежнему не сформулировано. В этом контексте многолетняя работа В.П. Малахова – профессора кафедры теории государства и права Московского ордена Почета университета МВД России им. В.Я. Кикотя, доктора юридических наук, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, автора более 390 научных публикаций – представляет особый научный интерес. На протяжении двух десятилетий он последовательно разрабатывает систему философии права, в основании которой лежит не синтез известных подходов, а радикальная переформулировка самого вопроса. Задача настоящего исследования – показать, в чём состоит вклад В.П. Малахова в современную философию права и почему именно сегодня этот вклад приобретает особую практическую значимость.

«По ту сторону» как методологический принцип: Ницше и философия права

Заголовок настоящей статьи требует методологического обоснования: отсылка к Ницше в юридическом тексте не является ни провокацией, ни украшением. Она фиксирует реальную интеллектуальную проблему, имеющую прямое отношение к судьбе философии права.

В предисловии к «По ту сторону добра и зла» Ницше атакует то, что он называет «догматизмом в философии»: «всякое догматизирова-

ние в философии, какой бы торжественный вид оно ни принимало... было только благородным ребячеством и начинанием» [6, С. 239]. Принципиальный объект этой критики – не содержание той или иной доктрины, а сама претензия на единственно верный ответ, сама уверенность в том, что истина уже найдена и закреплена. В §4 «По ту сторону добра и зла» эта мысль получает своё наиболее отчётливое выражение: философия, отваживаясь поставить под сомнение привычные оценочные координаты, ставит себя именно «по ту сторону» – не в смысле аморализма, а в смысле концептуальной независимости от унаследованных схем. В §9 Ницше фиксирует: любая философия, верящая в себя, «создаёт мир по своему образу и подобию» – то есть навязывает предмету внешнее основание [6, с. 248].

Перенос этой логики в плоскость юриспруденции обнаруживает нечто важное. Традиционное правопонимание воспроизводит ту самую догматическую структуру, которую критикует Ницше: каждая школа – позитивистская, естественно-правовая, социологическая – убеждена, что нашла единственно верное основание права. Позитивизм навязывает праву государственную волю, естественно-правовая школа – идеальные ценности, социологизм – фактические практики. В каждом случае право описывается через нечто внешнее по отношению к нему самому.

В.И. Пржиленский показывает, что в отечественной философско-правовой мысли этот догматизм принял форму этикоцентризма: право исторически понималось как производное от морали, как инструмент её осуществления [17]. Право «по ту сторону добра и зла» – это не право, освобождённое от всяких ценностей, а право, освобождённое от навязанного ему морального основания, способное обнаружить собственное основание в себе самом. Именно эту работу осуществляет В.П. Малахов.

В §186 «По ту сторону добра и зла» Ницше констатирует: философы «хотели обоснования морали – и каждый философ до сих пор воображал, что обосновал её; сама же мораль считалась при этом «данною»» [6, с. 311]. В юриспруденции действует та же логика: природа права принималась как «данная» – либо нормативная, либо ценностная, либо социальная. В.П. Малахов первым в отечественной традиции последовательно ставит вопрос о природе права как самостоятельную философскую проблему, не принимая ни одно из традиционных оснований в качестве само собой разумеющегося [1, с. 112]. Таким образом, ницшевский образ «по ту сторону добра и зла» описывает не нигилистический, а методологически освободительный жест. Концепция В.П. Малахова осуществляет именно такой жест в отношении

философии права: она выходит за пределы сложившихся оценочных дихотомий не для того, чтобы их отвергнуть, а для того, чтобы обнаружить то онтологическое пространство, в котором право существует прежде любых дихотомий.

Методологические пределы традиционного правопонимания

Прежде чем раскрывать содержание концепции В.П. Малахова, необходимо зафиксировать то интеллектуальное пространство, в котором она возникает, – то есть показать, чем именно недостаточны существующие подходы к правопониманию.

Р.Р. Палеха констатирует: «единообразного понимания права не существует, а всеобщее единообразное понимание философско-правовых и иных социальных проблем может быть только искусственным и вынужденным» [14, с. 118]. Это наблюдение фиксирует не просто разнообразие школ, а нечто более существенное: ни одна из существующих концепций не претендует на объяснение права как целого. Каждая схватывает один аспект и выдаёт его за сущность.

Нормативизм – наиболее влиятельный тип правопонимания в отечественной традиции – определяет право как систему норм, изданных и обеспеченных государством. Его достоинство – операциональность: такое право измеримо, применимо, контролируемо. Его порок – редукция: право утрачивает все измерения, кроме формально-принудительного. И.Л. Честнов убедительно показывает, что классическая рациональность права «ориентирована на объективность как безличностность», когда «субъективное объявляется ненаучным, а значит, нерациональным» [7, с. 76]. Результат – право, описанное с позиции безличного наблюдателя, неспособного увидеть, каким это право является для живого субъекта.

Естественно-правовой подход помещает основание права вне государства – в природе человека, в надэмпирических ценностях. А.В. Попова точно фиксирует логику этого направления: «бытие права является вечной, идеальной и абсолютно совершенной субстанцией» [15, с. 82]. Признание того, что право не исчерпывается государственным велением, – бесспорное достоинство. Однако «естественное» основание оказывается неverifiedируемым и, как правило, маскирует конкретные ценностные предпочтения исследователя.

Либертарная концепция В.С. Нерсисянца трактует право как «всеобщий масштаб и равную меру свободы» [9, с. 3] – серьёзный шаг вперёд, однако концепция остаётся нормативистской по логике: свобода и равенство навязываются праву как внешнее основание. Интегративный подход

пытается соединить достоинства перечисленных концепций, однако без единого методологического основания синтез неизбежно остаётся эклектикой.

Систематизация методологических пределов основных типов правопонимания представлена в *таблице 1*.

Таблица 1. Типы правопонимания: основания и методологические пределы [7; 9; 14; 15]

Тип правопонимания	Ключевое основание	Что остаётся за скобками
Нормативизм / позитивизм	Воля государства в нормах	Формы сознания, в которых норма существует
Естественно-правовой	Надэмпирические ценности	Историческая и культурная обусловленность «природы»
Социологический	Живой правопорядок практик	Онтологическое самообоснование права
Либертарный (Нерсисянц)	Формальное равенство и свобода	Множественность форм, в которых свобода конституируется
Интегративный	Синтез школ	Единое методологическое основание синтеза
Постклассический (Честнов)	Диалог, коммуникация, контекст	Самоценность права как онтологическая категория

Общий диагноз таков: все перечисленные типы правопонимания отвечают на вопрос «что есть право?» – и тем самым остаются в плоскости сущностного определения, навязывая праву внешнее основание. Ни один не ставит вопроса о том, каким предстаёт право в зависимости от той формы сознания, через которую оно воспринимается. Именно этот вопрос составляет методологический вклад В.П. Малахова.

Право в контексте форм общественного сознания: ядро концепции В.П. Малахова

Методологическое ядро концепции В.П. Малахова состоит в переформулировке самого исследовательского вопроса. Если традиционное правопонимание спрашивает «что есть право?», то Малахов спрашивает иначе: «каким предстаёт право в контексте той или иной формы общественного сознания?». Это не уклонение от ответа – это смена уровня анализа. Природа права есть его бытие, а не его сущность или явление: «природа права – это его бытие, которое не тождественно ни явлению права, ни его сущности» [1, с. 113]. Право существует как философская проблема, и эту проблему нельзя решить методами, разработанными для научного описания. Д.Э. Гаспарян, реконструируя философию сознания М.К. Мамардашвили, фиксирует ключевую установку: говорить о сознании необходимо «на языке самого сознания» [13, с. 1575] – Малахов поступает с пра-

вом аналогично, отказываясь редуцировать его к чему-либо внешнему.

Этот язык В.П. Малахов строит через систему форм общественного сознания. Каждая форма открывает право с особой стороны и ни одна не является привилегированной.

Философское сознание и право. В.П. Малахов разрабатывает категориальный аппарат, позволяющий увидеть право как явление, имманентное человеку – как «универсальное свойство человека» [3, с. 64]. Через призму философского сознания право предстаёт не как внешнее принуждение, а как внутреннее измерение человеческого бытия. Ключевые категории – правовое / неправовое, нормальное / ненормальное, правомерное / неправомерное, законное / незаконное, допустимое / запрещённое – выстраиваются в диалектическое целое, конституирующее пространство, в котором человек существует как правовой субъект.

Экономическое сознание и право. Право в контексте экономического сознания предстаёт как система корреляций: собственность соответствует субъективному праву, сделка – правоотношению, стоимость – правовому статусу и размеру санкции, капитал – правопорядку и государственной власти [4, с. 59–60]. Это не редукция права к экономике, а обнаружение того, как право выглядит через экономическую оптику. Особую критическую остроту приобретает малаховский тезис о

трансформации государственных обязанностей в «услуги»: это псевдоэкономическое оправдание бюрократии – деформация права, видимая только через экономическое сознание [4, с. 62].

Планетарное сознание и право. Планетарное сознание Малахов описывает как синкретическое, не специализированное в отличие от морального или политического. Через его призму право предстаёт как биологически вкоренённый минимум – «правовой минимум», встроенный в

природу человека [5, с. 44–45]. Природа соответствует естественному праву и правовому принципу, космос – правовому закону и справедливости, хаос – правотворчеству как источнику правовой неопределённости и преступлению как нарушению правового порядка.

Авторская схема соотношения форм общественного сознания и правовых феноменов в концепции В.П. Малахова представлена на рисунке 1.

ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК СИСТЕМНОЕ ЦЕЛОЕ

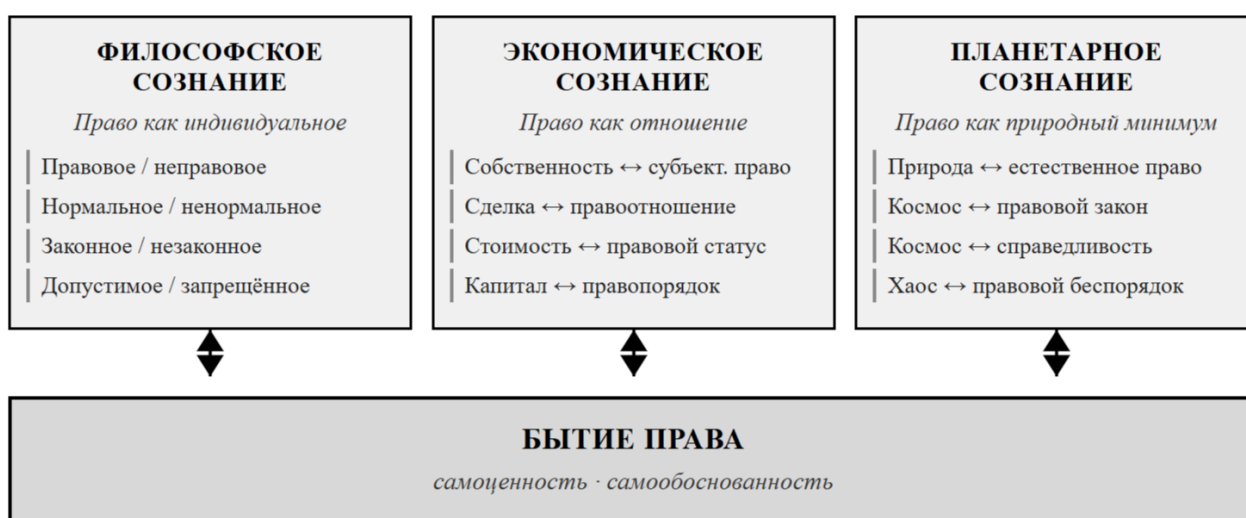

Рисунок 1. Право в системе форм общественного сознания: концепция В.П. Малахова [1; 3; 4; 5]

Бытие права – самоценное и самообоснованное – не сводится ни к одной из форм сознания в отдельности. Каждая форма открывает особое измерение правовой реальности; только в их совокупности право предстаёт как целое.

Самоценность и самообоснованность права как оригинальный тезис

Наиболее радикальный тезис концепции В.П. Малахова – утверждение о самоценности и самообоснованности права. Самообоснованность не означает изолированности права от общества или государства – она означает, что право существует по своим собственным законам, а его механизмы могут быть поняты и раскрыты из него самого. В.П. Малахов прямо указывает: «рассмотрение права как системы предполагает, что все его механизмы могут быть поняты и раскрыты из себя самих» [2, с. 177].

Н. Луман формулирует схожую идею: «ссылка на «окружающий мир» ничего не добавляет к системным операциям» [10, с. 23]. Малахов принимает эту логику, но идёт дальше: системо-

образующим признаком у него является не операциональная замкнутость, а правосознание – «системообразующий признак кроется в правосознании, а не в праве» [2, с. 178]. С. Жижек описывает логику такого самообоснования точно: «система возникает полностью тогда, когда она начинает быть основанием для самой себя» [11, с. 184]. Право по Малахову – именно такая система. И.А. Ильин настаивал на том, что правосознание есть духовное явление, а его кризис – это разрыв между внешней нормой и живым правовым бытием [12]. Малахов даёт этому наблюдению методологическое основание: разрыв происходит именно тогда, когда право лишается самообоснованности и превращается в инструмент внешних сил.

Самообоснованность – не произвольность, а внутренняя логика развития, не сводимая к внешним командам: «право существует по своим собственным законам, т.е. оно саморазвивается, а саморазвитие – это необратимый процесс» [2, с. 177]. Именно поэтому тезис о самоценности права обладает мощным критическим потенциалом – он

позволяет диагностировать любую ситуацию, в которой право превращается в инструмент государственного принуждения, идеологии или экономических интересов.

Актуальность концепции для современной правовой реальности

Концепция В.П. Малахова формировалась в 2000–2010-е годы – в период, когда вызовы, о которых пойдёт речь, только обозначались. Сегодня они стали определяющими для состояния правовой реальности, и именно это делает концепцию актуальной не только теоретически, но и практически. Три вызова заслуживают особого внимания.

Первый вызов: правовой нигилизм как системная характеристика. О. Люхтерхандт систематизирует исторические корни правового нигилизма в России: от «деспотического правления московского типа», при котором «отношения между правителем и подданными были организованы как односторонние, невзаимные и неправо-вые», до советской «этатизации права» и его «репрессивности» [18, с. 91–92]. Показатель оправдательных приговоров в 0,2% в 2017 году [18, с. 97] свидетельствует не о качестве расследования, а о том, что право функционирует как инструмент принуждения. Концепция В.П. Малахова даёт точный диагноз: нигилизм возникает там, где право утрачивает самообоснованность, – и именно здесь, как показывает Ю.К. Погребная, кризис правосознания затрагивает все его структурные уровни [19], требуя аналитического инструментария, недоступного нормативистскому подходу.

Второй вызов: цифровая трансформация права. Ю.А. Тихомиров с соавторами предлагают три модели соотношения права и цифровизации: «право проигрывает», «право отстаёт», «право идёт в ногу» [20, с. 8]. Все три инструментальны. Концепция Малахова позволяет поставить иной вопрос: каким предстаёт право в контексте форм сознания, порождённых цифровизацией? В экономическом сознании алгоритмические контракты, транзакции в блокчейне, отношения платформ и пользователей – это правовые феномены задолго до их нормативного закрепления; в планетарном – глобальные сети, существующие вне государственных юрисдикций, требуют нового понимания правового пространства.

Третий вызов: искусственный интеллект и кризис правосубъектности. Е.В. Пономарева убедительно показывает, что традиционные юридические методы недостаточны для решения вопроса о правосубъектности ИИ: «это не входит в предмет юриспруденции и не может быть изучено её методами» [21, с. 28]. Концепция Малахова предлагает иной угол зрения: в экономическом сознании ИИ уже существует как правовой агент, в философском – вопрос переформулируется от «обладает ли ИИ волей?» к «является ли ИИ участником правового бытия?». Как показывает М.А. Гусарова на примере концепции П.И. Новгородцева, кризис правосознания всегда требовал не технического, а философского ответа [22, с. 50] – сегодня не исключение.

Соотношение актуальных вызовов и аналитического потенциала концепции В.П. Малахова систематизировано в *таблице 2*.

Таблица 2. Вызовы современной правовой реальности и аналитический потенциал концепции В.П. Малахова [18; 19; 20; 21; 22]

Вызов	Традиционный ответ правоведения	Что даёт концепция В.П. Малахова
Правовой нигилизм	Правовое просвещение, совершенствование норм	Диагностика деформации правосознания как онтологической проблемы утраты права самообоснованности
Цифровая трансформация	Регуляторная адаптация, принятие новых норм	Описание цифрового права через экономическую и планетарную формы сознания до нормативного закрепления
Правосубъектность ИИ	Расширение или адаптация юридических конструкций	Переосмысление субъекта права вне нормативистской рамки через категорию правового бытия

Таблица 2 демонстрирует принципиальное различие уровней анализа: традиционное право-

ведение отвечает на каждый вызов в его собственной предметной плоскости, тогда как концеп-

ция В.П. Малахова позволяет увидеть общий корень всех трёх вызовов – недостаточность инструментального правопонимания – и предложить методологически единый ответ.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, концепция В.П. Малахова представляет собой самостоятельное направление постклассической философии права, методологический вклад которого состоит в смене базового исследовательского вопроса: от «что есть право?» к «каким предстаёт право в той или иной форме общественного сознания?». Это перемещение оси анализа открывает возможность описания правовых феноменов – правового нигилизма, цифрового права, правосубъектности искусственного интеллекта, – недоступных традиционным типологиям, и обеспечивает методологически единый ответ на все три ключевых вызова современной правовой реальности.

Во-вторых, тезис о самоценности и самообоснованности права обладает мощным критическим потенциалом: он позволяет диагностировать любую ситуацию, в которой право превращается в инструмент внешних по отношению к нему сил и утрачивает собственное основание. Именно эта диагностика необходима российской правовой науке в её нынешнем состоянии.

Заключение

Философия права, способная описать право вне привычных дихотомий, не отрицает ни нормы, ни ценности – она помещает их на своё место внутри более широкой онтологической картины. В.П. Малахов создаёт для российской философии права то, чего ей исторически недоставало, – язык, способный говорить о праве на языке самого права, не редуцируя его к чему-либо внешнему. Значимость этой работы определяется не только академическими соображениями. Российская правовая реальность, отягощённая многовековым правовым нигилизмом и стоящая перед беспрецедентными технологическими вызовами, нуждается именно в такой философии права – не инструментальной, а онтологической; не описывающей право как средство, а понимающей его как самостоятельное явление бытия. Постклассическая теория права, как показывает И.Л. Честнов, движется в направлении диалогической рациональности, включающей трансцендентный аспект – «самосохранение человечества как условие бытия и права» [8]. Концепция В.П. Малахова вписывается в это движение, предлагая систематизацию правовых измерений через формы общественного сознания – инструмент, работающий

как в теоретическом, так и в прикладном измерении. Перспективы дальнейшего исследования связаны с разработкой концепции применительно к моральному, политическому и религиозному сознанию, а также с построением на её основе методологии философско-правовой экспертизы цифровых регуляторных решений.

Список литературы:

- [1] Малахов В. П. Методология постижения природы права // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 112–118.
- [2] Малахов В. П. Системность как свойство права // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 176–180.
- [3] Малахов В. П. Право в контексте философского сознания // Пространство и Время. 2014. № 2(16). С. 63–66.
- [4] Малахов В. П. Право в контексте экономического сознания // Право и образование. 2013. № 3. С. 58–68.
- [5] Малахов В. П. Право в контексте планетарного сознания // Пространство и Время. 2013. № 3(13). С. 44–49.
- [6] Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. / пер. с нем. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 238–406.
- [7] Честнов И. Л. Постклассическая рациональность права в эпоху постсовременности // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 7. С. 74–86.
- [8] Честнов И. Л. Постклассическая теория права : монография. – СПб. : АЛЕФ-Пресс, 2012. – 649 с.
- [9] Нерсисянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.
- [10] Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратова. – М. : Логос, 2006. – 317 с.
- [11] Жижек С. Событие : философское путешествие по концепту / пер. с англ. Д.Я. Хамис. – М. : РИПОЛ классик, 2018. – 239 с.
- [12] Ильин И. А. О сущности правосознания. – М. : Рарогъ, 1993. – 235 с.
- [13] Гаспарян Д. Э. Философия сознания М. Мамардашвили: говорить о сознании на языке самого сознания // Философия и культура. 2013. № 11. С. 1573–1582.
- [14] Палеха Р. Р. Интегративный подход в правопонимании: история зарождения идей и современное состояние // Правосудие. 2020. Т. 2, № 1. С. 115–130.
- [15] Попова А. В. Онтология (бытие) права в современных реалиях правового регулирования социально ориентированной экономики // Lex russica. 2020. Т. 73. № 3. С. 80–89.

[16] Желдыбина Т. А. О некоторых актуальных вопросах современной философии права // *Правосудие/Justice*. 2022. Т. 4, № 1. С. 28–40.

[17] Пржиленский В. И. Философия права в современной России: культурные, эпистемологические и дидактические контекстуализации // *Философские науки*. 2013. № 12. С. 31–41.

[18] Люхтерхандт О. Правовой нигилизм и российская правовая культура: исторические корни и современный профиль / пер. с нем. В. Королькова // *Неприкосновенный запас*. 2024. № 3 (155). С. 87–105.

[19] Погребная Ю. К. Кризис современного российского правосознания : монография. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 192 с.

[20] Тихомиров Ю. А., Кичигин Н. В., Цомартова Ф. В., Бальхаева С. Б. Право и цифровая трансформация // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. № 2. С. 4–23.

[21] Пономарева Е. В. Правосубъектность искусственного интеллекта: теоретико-правовой анализ // *Вестник Гуманитарного университета*. 2023. № 4(43). С. 17–31.

[22] Гусарова М. А. Поиски путей преодоления кризиса правосознания в отечественной теории «возрожденного естественного права» (на примере концепции П.И. Новгородцева) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 10(60). Ч. III. С. 49–52.

References:

[1] V. P. Malakhov. Methodology of Understanding the Nature of Law // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024. No. 2. pp. 112–118.

[2] V. P. Malakhov. Systematicity as a Property of Law // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023. No. 6. pp. 176–180.

[3] V. P. Malakhov. Law in the Context of Philosophical Consciousness // *Space and Time*. 2014. No. 2(16). pp. 63–66.

[4] V. P. Malakhov. Law in the Context of Economic Consciousness // *Law and Education*. 2013. No. 3. pp. 58–68.

[5] V. P. Malakhov. Law in the Context of Planetary Consciousness // *Space and Time*. 2013. No. 3(13). P. 44–49.

[6] Nietzsche F. Beyond Good and Evil. Prelude to the Philosophy of the Future // *Nietzsche F. Works: in 2 volumes / translated from German*. – Moscow: Mysl, 1990. – Vol. 2. – P. 238–406.

[7] Chestnov I. L. Postclassical Rationality of Law in the Postmodern Era // *Lex Russica*. 2022. Vol. 75, No. 7. P. 74–86.

[8] Chestnov I. L. Postclassical Theory of Law: Monograph. – St. Petersburg: ALEF-Press, 2012. – 649 p.

[9] Nersesyan V. S. Philosophy of Law: Libertarian-Legal Concept // *Questions of Philosophy*. 2002. No. 3. pp. 3–15.

[10] Luhmann, N. Differentiation. Translated from German by B. Skuratov. Moscow: Logos, 2006. 317 p.

[11] Žižek, S. Event: A Philosophical Journey Through the Concept. Translated from English by D. Ya. Khamis. Moscow: RIPOL Classic, 2018. 239 p.

[12] Ilyin, I. A. On the Essence of Legal Consciousness. Moscow: Rarog, 1993. 235 p.

[13] Gasparyan, D. E. M. Mamardashvili's Philosophy of Consciousness: Speaking about Consciousness in the Language of Consciousness Itself // *Philosophy and Culture*. 2013. No. 11. pp. 1573–1582.

[14] Palekha R. R. An Integrative Approach to Legal Understanding: The History of the Origin of Ideas and the Current State // *Justice*. 2020. Vol. 2, No. 1. pp. 115–130.

[15] Popova A. V. Ontology (Existence) of Law in the Modern Realities of Legal Regulation of a Socially Oriented Economy // *Lex Russica*. 2020. Vol. 73, No. 3. pp. 80–89.

[16] Zheldybina T. A. On Some Current Issues of Modern Philosophy of Law // *Justice*. 2022. Vol. 4, No. 1. pp. 28–40.

[17] Przhilensky V. I. Philosophy of Law in Modern Russia: Cultural, Epistemological, and Didactic Contextualizations // *Philosophical Sciences*. 2013. No. 12. Pp. 31–41.

[18] Luchterhandt O. Legal Nihilism and Russian Legal Culture: Historical Roots and Modern Profile / translated from German by V. Korolkova // *Neprikosnovenny zapas*. 2024. No. 3 (155). Pp. 87–105.

[19] Pogrebnya Yu. K. Crisis of Modern Russian Legal Consciousness: Monograph. – Moscow: INFRA-M, 2025. – 192 p.

[20] Tikhomirov Yu. A., Kichigin N. V., Tsomartova F. V., Balkhaeva S. B. Law and Digital Transformation // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2021. No. 2. Pp. 4–23.

[21] Ponomareva E. V. Legal personality of artificial intelligence: a theoretical and legal analysis // *Bulletin of the Humanitarian University*. 2023. No. 4 (43). Pp. 17–31.

[22] Gusarova M. A. Search for ways to overcome the crisis of legal consciousness in the domestic theory of “revived natural law” (based on the concept of P. I. Novgorodtsev) // *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Issues of theory and practice*. 2015. No. 10 (60). Part III. Pp. 49–52.